41986

9 8 8

ТУ-19-241-82

1

4

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—479

ОЛЕГ ТИХОМИРОВ
ДВА ЗНАМЕНИ
Художник В. Туренко

В конце войны киевский школьник Костя Кравчук был награждён Орденом Красного Знамени. За какие же заслуги получил тринадцатилетний мальчик эту высокую награду? Мы встретились с Константином Кононовичем Кравчуком, и вот что он нам рассказал.

Осенью 1941 года в Киев ворвались гитлеровцы. На окраинах разгорелись жестокие бои. Но части Красной Армии должны были оставить город, чтобы не попасть в окружение.

В ту пору мне исполнилось десять лет. Жил я на Подоле — так называется у нас низинная часть города, примыкающая к Днепру. Я видел, как к мосту, который ещё не был уничтожен, днём и ночью пробивались наши войска.

Всё громче и громче раздавались выстрелы. Гитлеровцы приближались. И вот уже пули засвистели по улицам Подола.

Жители попрятались кто куда. Но я остался во дворе, притаился за забором и смотрел в щель, что же будет дальше. Вдруг послышалось цоканье копыт.

В соседний двор влетела на полном ходу санитарная повозка, запряжённая парой лошадей.

Два солдата соскочили с повозки и тут же перелезли к нам через забор. У одного была перевязана голова, у другого — рука. Увидев меня, они подбежали. — «Ты — пионер?» — «Пионер».

Солдат с перевязанной рукой оглянулся и быстро заговорил: «Спрячь два полковых знамени. Только никому ни слова... Обещаешь?»

— Честное пионерское,—сказал я.—А куда спрятать?—Красноармейцы не ответили. Они уже расстёгивали гимнастёрки— вынимали знамёна.

Протянув их мне, солдаты сказали: «Прощай. Мы ещё вернёмся».

Я держал знамёна и думал лишь об одном: куда бы спрятать? Нельзя было терять ни секунды: выстрелы раздавались уже совсем близко.

Я бросился в угол двора, где рос старый каштан, и стал закапывать знамёна под деревом.

Утрамбовав землю, я поставил сверху старый дырявый таз.

А к соседям в распахнутые ворота уже въехали два мотоцикла с немецкими автоматчиками. Гитлеровцы обыскали брошенную санитарную повозку, осмотрели пустой двор.

Один из них подошёл к нашему забору. Поводил автоматом в разные стороны. Заметив меня, крикнул: «Где рус солдат?» — Я пожал плечами — не знаю, мол.

Ночью я перенёс знамёна в сарай. Спрятал под поленницей дров.

—«Ты что там пропал совсем?»—приподнялся Лёня, мой старший брат.—«Да так...»

Я поскорее юркнул в постель и сделал вид, будто уснул. Мне очень хотелось рассказать обо всём Лёне. Брат был старше меня на два года. Мы были дружны между собой. И маму тоже можно было бы посвятить в эту тайну. Но я должен был молчать.

Наступила зима. Дров в сарае становилось меньше и меньше. Я начал беспокоиться. Оставлять знамёна на прежнем месте было опасно: кроме мамы и Лёни в сарай приходили за дровами и соседи. Нужно куда-то перепрятать знамёна.

Однажды на обочине дороги я нашёл большой кусок брезента. «А что, если...»

В тот же день я завернул знамёна в брезент и вынес их из дома. Неподалёку от заброшенной железнодорожной насыпи было несколько водосточных колодцев.

Крышка одного из них была скрыта густыми зарослями бурьяна. В этом колодце я и подвесил на проволоке свой свёрток.

Прошло два года, и вот опять мы услышали отдалённый гул канонады. Теперь уже он доносился с Востока. Наступала Красная Армия.—«Наши идут! Наши!»—говорили друг другу киевляне.

На берегу Днепра гитлеровцы начали строить новые оборонительные сооружения.

Всем, кто жил на Подоле, было приказано немедленно оставить свои дома. Чтобы выселение шло «энергичнее», фашисты пускали в ход приклады, натравливали на стариков и детей овчарок.

На обезлюдевших прибрежных улицах появились таблички: «Запретная зона. За нарушение—расстрел».

Мы с братом и мамой пришли на территорию полуразрушенного кирпичного завода. Поселились в пустой печи, в которой раньше обжигали кирпич.

Из своего дома мы ничего не успели взять. Поэтому, как и другие подольские мальчишки, я часто нарушал приказ оккупационных властей и пробирался в запретную зону задворками или по крышам, чтобы хоть что-нибудь прихватить из покинутого дома.

Как-то раз, возвращаясь с Подола, я попал в облаву. Всех схваченных привели в школьный двор. Затем отобрали двадцать пять человек и поставили их возле глухой стены.

Вышел переводчик.—«Прошлой ночью,—сказал он,—на Подоле было убито несколько солдат германской армии. В связи с этим мы расстреляем двадцать пять человек. Но если вы назовёте виновных, осуждённые будут помилованы. На размышление—пять минут».

Во дворе воцарилась мёртвая тишина. Мне показалось, что стоящие рядом слышат, как колотится моё сердце.

Но вот тишину оборвал залп. Двадцать пять человек упали у стены. А нас, оставшихся в живых, гитлеровцы построили в колонну и под лай остервенелых собак погнали к железнодорожной станции.

Там конвой принялся всех вталкивать в товарные вагоны.
И опять сыпались на людей удары прикладов, пинки.

Мальчишкам, которые были рядом со мной, я предложил: «Ребята, как поравняемся с будкой, бежим в разные стороны». 35

Возле будки стрелочника мы бросились врассыпную. Ударили вслед выстрелы. Кто-то упал, сражённый насмерть, кто-то был ранен, но мне и ещё нескольким ребятам удалось скрыться.

Ночью я вернулся на кирпичный завод.— «Сынок!..—бросилась ко мне мама.— Живой!»

Чем ближе подступала Красная Армия, тем озлобленнее становились гитлеровцы. На кирпичном заводе было опасно оставаться. Мы перебрались к бабушке в посёлок Ирпень, который находился в тридцати километрах от Киева.

А через некоторое время мы вернулись в освобождённый город и увидели, что от нашего дома ничего не осталось. Только головешки ещё дымились.

На следующий день я отправился к железнодорожной насыпи и вынул из тайника свой свёрток.

— «Костя,— всплеснула руками мама,— откуда у тебя знамёна?» — «Я прятал их с сорок первого года».— «И молчал»,— упрекнула она меня.— «Не обижайся. Я дал солдатам слово никому не говорить. Теперь они вернутся».

Жизнь понемногу налаживалась. Из досок и битых кирпичей мы сделали небольшую хибарку. Но с каждым днём во мне нарастало беспокойство: почему не приходят те два солдата? На стук у порога я бросался к двери: не они ли?

Но прошло полгода, и я понял, что они никогда не вернутся, те два раненых знаменосца, которые ушли из захваченного города последними. 1 Мая 1944 года я передал оба боевых знамени коменданту города полковнику Ф. Н. Ивашкину.

Вот уже много лет Константин Кононович Кравчук работает механиком-сборщиком на киевском заводе «Арсенал». Он ударник коммунистического труда. Недавно на его груди появился второй орден — орден Трудового Красного Знамени.

КОНЕЦ

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор В. Дугин

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1977 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30

Д-269-77